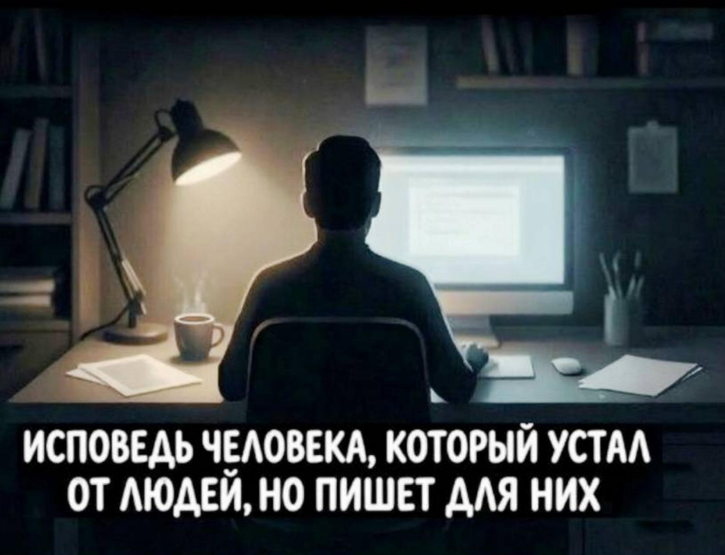

ПЛАТОН ТИШИН

ИНТРОВЕРТ ЗА КЛАВИАТУРОЙ

**ИСПОВЕДЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ УСТАЛ
ОТ ЛЮДЕЙ, НО ПИШЕТ ДЛЯ НИХ**

Платон Тишин

Интроверт за клавиатурой

<https://litres.ru/74609564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались, почему одни писатели создают динамичные боевики, а другие — тонкие психологические драмы? Почему «физики» тяготеют к фантастике, а «лирики» — к поэзии? Почему вы, интроверт, устаёте от людей, но при этом пишете для них?

Эта книга — не учебник по писательскому мастерству. Это исповедь мужчины-писателя, который много лет пытался быть «как все», пока не понял: его «неправильность» — это его суперсила.

С юмором и самоиронией автор исследует, как психотип (по Майерс-Бриггс и соционике) влияет на стиль, жанр и темы. Почему «Стражи» пишут быт, «Художники» — приключения, «Учёные» — идеи, а «Провидцы» — чувства? Как интроверту писать диалоги, если он ненавидит людей? Как не превратить творчество в саморазрушение? И почему ваш тип — это не приговор, а дом?

Для всех, кто пишет. Для всех, кто ищет свой голос. Для всех, кто устал притворяться.

Содержание

Введение	4
1. Почему я устаю от людей, но пишу для них	14
2. Детектор лжи, который всегда с вами	32
3. Сердце против логики. Как не убить своего героя из жалости	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Платон Тишин

Интроверт за клавиатурой

Введение

Я сидел в переговорной на двенадцатом этаже, в кресле, которое стоило дороже моей машины, и смотрел, как издатель листает мою рукопись. Толстую. Четыреста страниц. Я писал её полтора года. Я вложил туда всю душу, весь свой опыт, все свои страхи и надежды. Я был уверен, что это шедевр. Ну, почти уверен. На девяносто процентов. На восемьдесят точно.

Издатель – мужчина в дорогом костюме, с дорогими очками и дорогим выражением лица – читал молча. Иногда хмыкал. Иногда поднимал бровь. Иногда записывал что-то в блокнот. Я сидел как на иголках. Я пытался прочитать его мысли по лицу. Я пытался понять, что он думает. Я пытался не думать о том, что он думает, потому что от этого думания у меня начинала кружиться голова.

Наконец, он закрыл рукопись. Положил её на стол. Снял очки. Протёр их платком. Надел обратно. Посмотрел на меня. И сказал:

– Это очень интровертная книга.

Я замер. Внутри меня что-то оборвалось. Я знал этот тон. Я слышал его раньше. Это был тон вежливого отказа. «Это очень интровертная книга» – это эвфемизм. Это как «мы вам перезвоним». Как «это интересный опыт». Как «вы обязательно найдёте своего читателя». Это значит: «Это скучно. Это занудно. Это не продастся. Идите домой и подумайте о своей жизни».

Я хотел встать и уйти. Я хотел сказать что-то резкое. Я хотел защитить свою книгу, свою душу, своё детище. Но вместо этого я услышал свой собственный голос, который спросил:

– А что это значит? «Интровертная»?

Издатель улыбнулся. Не зло. Скорее, с любопытством. Как будто я только что задал вопрос, который он ждал.

– Это значит, – сказал он, – что ваша книга – это разговор с самим собой. Не с читателем. Вы пишете для себя. Вы исследуете свой внутренний мир. И делаете это честно, глубоко, талантливо. Но вы не думаете о том, кто это будет читать. Вы не думаете о том, как это будет читаться. Вы просто вываливаете себя на страницу. И это... это очень интровертно.

Я сидел и молчал. Я не знал, что сказать. Потому что он был прав. Я никогда не думал о читателе. Я думал только о себе. О своих чувствах, своих мыслях, своих переживаниях. Я писал для себя. Потому что мне нужно было выговориться. Потому что мне нужно было понять себя. Потому что я не умел иначе.

– И что мне делать? – спросил я. – Перестать быть интровертом?

Издатель засмеялся. Искренне, от души.

– Боже, нет, – сказал он. – Интроверты пишут лучшие книги. Просто потому, что они умеют копать глубоко. Просто потому, что они не боятся тишины. Просто потому, что они видят то, что экстраверты пропускают. Но вы должны понять одну вещь. Ваша книга – это не дневник. Это не исповедь. Это не терапия. Это – произведение. И у него есть читатель. И этот читатель – не вы. Он – другой человек. И вы должны его увидеть. Хотя бы на секунду. Хотя бы в воображении.

Я вышел из издательства с чувством, которое не мог описать. С одной стороны, я был раздавлен. Мне сказали, что моя книга «слишком интровертная». С другой стороны, я был заинтригован. Мне сказали, что я должен «увидеть читателя». Что это вообще значит? Как можно увидеть человека, которого не существует? Как можно писать для кого-то, кого ты не знаешь?

Я шёл по улице, пинал осенние листья и думал. Думал о том, почему я пишу. Думал о том, для кого я пишу. Думал о том, кто я вообще такой. И в какой-то момент меня осенило. Я пишу не для «читателя». Я пишу для себя. Но это не значит, что я не должен думать о тех, кто будет это читать. Это значит, что я должен найти своего читателя. Того, кто поймёт. Того, кто почувствует. Того, кто, как и я, сидит в

тишине и ищет ответы.

Я пошёл домой и начал переписывать книгу. Не потому, что она была плохой. А потому, что я понял: я писал её для себя. А теперь я хотел написать её для нас – для всех тех, кто, как и я, чувствует себя чужим на этом празднике жизни. Для всех тех, кто устаёт от людей. Для всех тех, кто находит спасение в словах.

Эта книга – результат этого переписывания. И этого открытия. И этого пути.

Я – интроверт. Я пишу об этом с некоторой долей иронии, потому что всю жизнь пытался быть кем-то другим. Я пытался быть экстравертом. Я пытался быть «душой компании». Я пытался быть тем парнем, который легко заводит друзей, который смеётся громче всех, который всегда в центре внимания.

У меня не получилось.

Каждый раз, когда я приходил на вечеринку, я чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег. Я задыхался от света, от шума, от необходимости постоянно что-то говорить. Я улыбался, кивал, поддакивал – и мечтал о том моменте, когда смогу уйти домой и заварить чай. Я смотрел на людей, которые, казалось, наслаждались этим хаосом, и думал: «Почему они могут, а я нет? Что со мной не так?»

Теперь я знаю ответ. Со мной всё так. Просто я – другой. Не хуже. Не лучше. Другой. И когда я это понял, я перестал себя мучить. Я перестал пытаться быть тем, кем не являюсь.

Я начал писать так, как чувствую. И – парадоксальным образом – мои тексты стали понятнее людям. Потому что они стали честнее.

Но давайте вернёмся в прошлое. Давайте поговорим о том, как я пытался писать «как экстраверт» – и что из этого вышло.

Это было много лет назад. Я был молодым, наивным и полным амбиций. Я хотел написать бестселлер. Я хотел, чтобы мою книгу читали миллионы. Я хотел, чтобы меня узнавали на улицах. Я хотел славы, денег и признания. И для этого, как мне казалось, я должен был писать так, как пишут «успешные» авторы.

А «успешные» авторы, как я тогда думал, пишут динамично. Их книги полны событий, диалогов, погонь, сражений. Их герои – харизматичные, уверенные в себе, всегда знающие, что делать. Их сюжеты – стремительные, непредсказуемые, захватывающие. Их диалоги – искромётные, остроумные, полные жизни.

Я решил, что должен писать так же. Я сел за стол и начал писать «динамичный триллер». Я придумал героя – бывшего спецназовца, который спасает мир от террористов. Я придумал сюжет – погони, перестрелки, взрывы. Я придумал диалоги – короткие, резкие, как удары хлыста.

Я написал первую главу. Потом вторую. Потом третью. К десятой главе я понял, что умираю. Не физически, конечно, а творчески. Я ненавидел своего героя. Я ненавидел свой сю-

жет. Я ненавидел свои диалоги. Я писал через силу, через «не хочу», через «зачем я вообще этим занимаюсь». И в итоге я бросил. Просто закрыл файл и никогда его не открывал.

Я подумал тогда, что я – бездарность. Что я не умею писать. Что мне нужно найти другую профессию. Я даже начал искать работу в офисе – потому что «настоящий писатель» из меня не вышел.

Но однажды, спустя год, я случайно наткнулся на тот старый файл. Я открыл его из любопытства. И прочитал. И понял одну вещь: это не плохой текст. Это просто не мой текст. Я писал его как чужой человек. Я пытался быть тем, кем не являюсь. Я насиловал себя – и результат был соответствующий.

Тогда я попробовал другое. Я сел и написал рассказ о том, что чувствую. О своей усталости. О своём одиночестве. О своей неспособности быть «как все». Я не думал о том, «продастся» ли это. Я не думал о том, «правильно» ли это. Я просто писал. И это было легко. И это было хорошо. И это было – моё.

С тех пор я пишу только так. Я пишу о том, что чувствую. Я пишу о том, что думаю. Я пишу о том, что меня волнует. И – удивительное дело – это находит отклик. Потому что есть миллионы людей, которые чувствуют то же самое. Которые устали притворяться. Которые хотят, чтобы их поняли. Которые ищут слова для того, что не могут выразить.

Эта книга – для них. И для вас.

Я мог бы написать учебник по писательскому мастерству. Я мог бы написать сборник упражнений. Я мог бы написать мемуары. Но я решил написать эту книгу. Почему?

Потому что я устал от книг, которые говорят: «Делай так, и у тебя всё получится». Потому что я устал от советов, которые не работают. Потому что я устал от «универсальных формул успеха», которые игнорируют главное – то, что все мы разные.

Мы разные. Мы по-разному видим мир. Мы по-разному его чувствуем. Мы по-разному пишем. И это – не баг. Это – фича. Это то, что делает литературу такой богатой, такой разнообразной, такой живой.

Вот почему я решил написать эту книгу. Я хочу показать, как психотип влияет на писательский стиль. Я хочу показать, почему «лирик» пишет лирику, а «физик» – «физику». Я хочу показать, что нет «правильного» способа писать. Есть только ваш способ. И его нужно найти.

Я не буду давать вам «универсальных рецептов». Я не буду говорить: «Делай так, и всё будет хорошо». Я буду говорить: «Смотри, вот как бывает. Вот как пишут разные люди. Вот почему они пишут именно так. А теперь найди себя. Найди свой голос. Найди свой путь».

Эта книга – не догма. Это – приглашение к разговору. Это – карта, по которой вы можете исследовать себя. Это – зеркало, в котором вы можете увидеть своё отражение.

Я не психолог. Я не учёный. Я – писатель. И я делюсь сво-

им опытом. Своими ошибками. Своими открытиями. Я расскажу вам, как я пытался быть «экстравертом» и что из этого вышло. Я расскажу вам, как я нашёл свой голос. Я расскажу вам, как я перестал стыдиться своей «неправильности» и начал использовать её как силу.

Я буду использовать типологию Майерс-Бриггс и соционику. Не потому, что это «единственно верные» системы. А потому, что они дают язык для разговора о различиях. Они помогают понять, почему мы такие разные. Они помогают увидеть, что наша «странность» – это не «странность», а особенность.

Я буду шутить. Я буду иронизировать. Я буду рассказывать анекдоты. Потому что без юмора мы бы уже давно сошли с ума. Потому что смех – это лучший способ говорить о серьёзных вещах. Потому что я не хочу, чтобы эта книга была скучной. Я хочу, чтобы она была живой. Как и вы.

Я обещаю, что эта книга не будет скучной. Я обещаю, что она не будет «академической». Я обещаю, что она не будет «правильной». Я обещаю, что она будет живой. Как и вы. Как и я.

Я обещаю, что мы будем смеяться. Много. Над собой, над своими страхами, над своими ошибками. Потому что смех – это лучшее лекарство. И лучшее оружие. И лучший способ говорить о серьёзном.

Я обещаю, что мы будем узнавать себя. В каждой главе, в каждом примере, в каждом анекдоте. И это будет иногда

приятно. А иногда – больно. Потому что узнавать себя – это всегда больно. Но это – необходимо.

Я обещаю, что мы будем плакать. Потому что некоторые вещи не могут не вызывать слёз. Потому что некоторые истории – слишком честные. Потому что некоторые открытия – слишком важные.

И я обещаю, что в конце этого пути вы перестанете пытаться быть тем, кем не являетесь. Вы перестанете стыдиться своей «неправильности». Вы найдёте силу в своей уникальности. И вы начнёте писать так, как можете только вы. Так, как хотите только вы. Так, как чувствуете только вы.

Потому что мир не нуждается в очередном «правильном» писателе. Мир нуждается в вас. В вашем голосе. В вашей истории. В вашем уникальном взгляде на вещи.

И я хочу помочь вам его найти.

Анекдот, который всё объясняет

Встречаются два писателя-интроверта на вечеринке. Оба пришли, потому что их уговорили друзья. Оба стоят в углу, держат бокалы с соком (потому что алкоголь делает их ещё более неуклюжими). Оба мечтают уйти.

Первый интроверт (с надеждой): «Я так рад тебя видеть!»

Второй интроверт (с облегчением): «А я так рад, что мы оба уйдём отсюда через 10 минут».

Первый: «Давай сделаем вид, что нам нужно работать?»

Второй: «Отличная идея. Скажем, что у нас дедлайн».

Первый: «А если нас спросят, над чем мы работаем?»

Второй: «Скажем, что над книгой о том, как избегать ве-
черинок».

Первый: «Это будет бестселлер».

Второй: «Это будет моя жизнь».

Они чокаются бокалами с соком. Смотрят друг на друга. Улыбаются. И уходят через пять минут. Довольные. Счастливые. Свободные.

Вот об этом эта книга. О том, как быть интровертом в мире слов. О том, как найти свой голос. О том, как перестать притворяться. О том, как писать так, как хочешь только ты. И о том, как наслаждаться тишиной, которая для нас – не пустота, а дом.

Поехали.

1. Почему я устаю от людей, но пишу для них

Я узнал, что я интроверт, случайно. Мне было двадцать пять. Я работал в офисе, в большом опенспейсе, где сорок человек сидели в одном помещении и делали вид, что работают. Каждый день я приходил на работу с утра и уже к обеду чувствовал себя выжатым как лимон. Я думал, что это от работы. От задач. От начальника, который имел привычку подходить со спины и дышать в затылок. Я думал, что устаю от того, что делаю.

Потом я заметил странную вещь. В выходные, когда я оставался один дома, я не уставал. Я мог читать, писать, смотреть кино – и чувствовал себя отдохнувшим. А в понедельник, придя на работу, я снова превращался в выжатый лимон. И тогда я задумался. Может, дело не в работе? Может, дело в людях?

Я начал наблюдать за собой. Я заметил, что после каждого разговора с коллегами – неважно, приятного или неприятного – я чувствую себя опустошённым. Мне нужно было время, чтобы «перезагрузиться». Я заметил, что в шумных компаниях я быстро устаю и начинаю искать угол, где можно посидеть в тишине. Я заметил, что мне проще написать со-

общение, чем позвонить. Я заметил, что я предпочитаю глубину поверхностности. Один долгий разговор – вместо десяти коротких. Один близкий друг – вместо сотни знакомых.

Я полез в интернет. Я набрал в поиске: «Почему я устаю от людей». И наткнулся на статью про интровертов. Я читал её и чувствовал, как что-то внутри меня встаёт на место. Как будто пазл, который я собирал всю жизнь, наконец-то сложился. Я не был «сломанным экстравертом». Я не был «застенчивым неудачником». Я не был «социально неадаптированным психом». Я был интровертом. И это всё объясняло.

Но знаете, что было самым неприятным? Не то, что я узнал о себе правду. А то, что я понял, как долго я себя обманывал. Как долго я пытался быть тем, кем не являюсь. Как долго я заставлял себя ходить на вечеринки, знакомиться с людьми, поддерживать «светские беседы» – и всё это время ненавидел каждую минуту.

Я вспомнил все те вечеринки, где я стоял у стены и мечтал о том, чтобы провалиться сквозь землю. Я вспомнил все те корпоративы, где я улыбался, кивал и считал минуты до конца. Я вспомнил все те «дружеские посиделки», где я чувствовал себя чужим. Я вспомнил всё это – и мне стало грустно. Потому что я потратил годы на то, чтобы быть «как все». И не был. И не мог быть. И не должен был.

Что такое интроверсия на самом деле (и почему это не про застенчивость)

Давайте сразу проясним. Интроверсия – это не застенчивость. Застенчивость – это страх социальных ситуаций. Интроверсия – это способ получения энергии. Это как разные типы топлива. Одни люди (экстраверты) заряжаются от общения. Другие (интроверты) заряжаются от одиночества. Это не про то, что мы «не любим людей». Это про то, что нам нужно время, чтобы «перезагрузиться» после общения.

Я знаю интровертов, которые обожают людей. Они работают психологами, учителями, врачами. Они общаются с людьми каждый день. Но после работы им нужно время, чтобы восстановиться. Они не могут «быть на связи» двадцать четыре часа в сутки. Они не могут «тусить» каждый вечер. Они не могут «поддерживать контакт» со всеми сразу. Им нужно уединение. Тишина. Пространство. Как воздух. Как вода. Как еда.

Я знаю экстравертов, которые обожают одиночество. Они пишут книги, программируют, рисуют. Они работают в тишине. Но после работы им нужно общение. Они не могут «сидеть дома» неделями. Они не могут «не видеть людей». Они не могут «быть одни» слишком долго. Им нужны люди. Разговоры. Энергия. Как воздух. Как вода. Как еда.

Это не про «лучше» или «хуже». Это про разное. Это про то, что мы все – разные. И это – прекрасно.

Но давайте копнём глубже. Потому что интроверсия – это не просто «люблю побыть один». Это целый спектр особенностей, которые влияют на то, как мы думаем, чувствуем и

творим. И одна из главных особенностей – это то, как наш мозг обрабатывает стимулы.

Нейробиология интроверсии: почему шум убивает, а тишина лечит

Я не нейробиолог. Я писатель. Но я читал исследования. И то, что я узнал, объяснило мне многое. Оказывается, у интровертов и экстравертов по-разному работает дофаминовая система. Дофамин – это нейромедиатор, который отвечает за удовольствие, мотивацию и вознаграждение. У экстравертов дофаминовая система менее чувствительна. Им нужно больше стимулов, чтобы получить удовольствие. Больше людей, больше шума, больше событий. Они как машины с большим расходом топлива. Им нужно много бензина, чтобы ехать.

У интровертов дофаминовая система более чувствительна. Им достаточно небольшого количества стимулов, чтобы получить удовольствие. Одна книга, один фильм, один разговор с близким человеком. Они как машины с маленьким расходом топлива. Им нужно мало бензина, чтобы ехать. И если они получают слишком много стимулов, их система перегружается. Они «перегреваются». Им нужно «остыть». В тишине. В одиночестве.

Вот почему шумные вечеринки так утомляют интровертов. Это не про то, что мы «не любим людей». Это про то, что наш мозг обрабатывает стимулы иначе. Мы не можем «отфильтровать» шум так же эффективно, как экстраверты.

Мы слышим всё. Мы видим всё. Мы чувствуем всё. И это истощает.

Вот почему тишина так важна для нас. Это не «лень». Это не «затворничество». Это – необходимость. Как сон. Как еда. Как вода. Мы не можем творить, если мы истощены. А мы истощаемся от общения. Поэтому нам нужно одиночество. Чтобы восстановиться. Чтобы наполниться. Чтобы снова начать чувствовать.

Как интроверсия влияет на писательство

Теперь давайте поговорим о том, как интроверсия влияет на наше творчество. И тут есть как плюсы, так и минусы.

Плюсы интроверсии в писательстве:

Глубина. Интроверты привыкли копать глубоко. Мы не скользим по поверхности. Мы исследуем. Мы анализируем. Мы рефлекслируем. И это отражается в наших текстах. Мы пишем не о том, «что случилось», а о том, «что это значит». Мы ищем смысл. Мы ищем подтекст. Мы ищем то, что скрыто за словами. Мы не боимся тишины. Мы не боимся пауз. Мы не боимся того, что «ничего не происходит». Потому что мы знаем: в тишине происходит самое важное. В паузах – самая большая боль. В «ничего» – самое главное «что-то».

Наблюдательность. Интроверты часто наблюдают со стороны. Мы не всегда участвуем в жизни – мы смотрим. Мы видим детали, которые экстраверты пропускают. Мы заме-

чаем жесты, взгляды, паузы. Мы слышим то, что не сказано. Мы чувствуем то, что скрыто. И это делает наши тексты живыми, точными, правдивыми. Мы не пишем «он был злой». Мы пишем «он сжал кулаки, и костяшки пальцев побелели». Мы не пишем «она была грустная». Мы пишем «она смотрела в окно, но, кажется, не видела ничего». Мы не пишем «им было неловко». Мы пишем «они молчали, и это молчание было громче любого разговора».

Способность к концентрации. Интроверты умеют находиться в тишине. Мы не боимся одиночества. Мы можем сидеть за столом часами, не отвлекаясь на внешние стимулы. Это – суперсила для писателя. Потому что писательство – это марафон. Это долгий, одинокий, монотонный процесс. И интроверты к нему приспособлены лучше, чем экстраверты. Мы можем писать по десять часов подряд, не видя никого. Мы можем не выходить из дома неделями. Мы можем жить в своём мире – и это не будет для нас пыткой. Это будет блаженством.

Эмпатия. Интроверты часто очень эмпатичны. Мы чувствуем чужую боль, чужую радость, чужой страх. Мы можем поставить себя на место другого. И это делает наших персонажей живыми. Мы не просто описываем их – мы становимся ими. Мы дышим вместе с ними. Мы страдаем вместе с ними. Мы любим вместе с ними. Мы умираем вместе с ними. И читатель это чувствует. Потому что за каждым словом стоит наш опыт. Наша боль. Наша радость. Наша жизнь.

Минусы интроверсии в писательстве:

Страх публичности. Интроверты часто боятся публичных выступлений. Мы боимся читать свои тексты вслух. Мы боимся, что нас осудят. Мы боимся, что нас не поймут. И это может стать проблемой, когда книга выходит. Потому что продвижение книги требует общения. Требуется встреч с читателями. Требуется интервью. Требуется быть «на виду». А для интроверта «быть на виду» – это пытка. Это как ходить по раскалённым углям. Это как дышать под водой. Это как улыбаться, когда хочется кричать.

Изоляция. Интроверты могут уйти в себя слишком глубоко. Мы можем потерять связь с миром. Мы можем забыть, что читатели – это не абстракция, а живые люди. Мы можем писать «для себя» и удивляться, почему никто не читает. Потому что мы не думаем о читателе. Мы думаем только о себе. И это – ловушка. Потому что книга, написанная «для себя», – это дневник. А книга, написанная «для себя», но с мыслью о читателе, – это литература.

Сложности с диалогами. Интровертам часто сложно писать живые диалоги. Потому что мы не любим «светскую болтовню». Мы предпочитаем молчание. Мы предпочитаем глубину. Мы предпочитаем тишину. И наши диалоги могут быть слишком «литературными», слишком «умными», слишком «неестественными». Потому что мы не слышим, как говорят люди. Мы слышим только свои мысли.

Перфекционизм. Интроверты часто – перфекционисты. Мы хотим, чтобы всё было идеально. Мы переписываем одну фразу двадцать раз. Мы не можем закончить главу, пока она не будет «идеальной». И это может замедлить процесс. Или вообще его остановить. Потому что «идеально» не существует. А «достаточно хорошо» – существует.

Как я справляюсь с минусами (и вы сможете)

Я не говорю, что интроверсия – это «подарок». И не говорю, что это «проклятие». Это – реальность. И с ней нужно работать. Я нашёл несколько способов, которые помогают мне справляться с минусами. Может, они помогут и вам.

Страх публичности: Я не пытаюсь быть экстравертом. Я не пытаюсь «перебороть» свой страх. Я просто готовлюсь. Я репетирую. Я пишу текст заранее. Я знаю, что буду говорить. Я знаю, что буду делать. И это снижает тревогу. А ещё я напоминаю себе, что публика – это не враг. Это люди, которые хотят меня услышать. Они не ждут, что я буду «идеальным». Они ждут, что я буду честным. И ещё я напоминаю себе, что я могу уйти. В любой момент. Я могу извиниться, сказать, что у меня дела, и уйти. И это знание – что я могу уйти – даёт мне силы остаться.

Изоляция: Я заставляю себя выходить в мир. Хотя бы раз в неделю. Я хожу в кафе, в библиотеку, в парк. Я смотрю на людей. Я слушаю их разговоры. Я наблюдаю за их жизнью. Это напоминает мне, что мир – не только в моей голове. Что

есть другие люди. Что есть другие истории. И что я пишу для них. А ещё я общаюсь с другими писателями. Онлайн. В чатах. На форумах. Это не то же самое, что живое общение, но это лучше, чем ничего. Это напоминает мне, что я не один. Что есть другие люди, которые чувствуют то же самое. Что есть другие люди, которые борются с теми же демонами.

Сложности с диалогами: Я собираю диалоги. Я подслушиваю. Я записываю. Я коллекционирую фразы, интонации, паузы. Я читаю вслух. Я пробую разные голоса. Я играю. И постепенно мои диалоги становятся живыми. Не идеальными. Но живыми. А ещё я читаю пьесы. Много пьес. Потому что пьесы – это диалоги. Чистые диалоги. Без описаний. Без объяснений. Только слова. И это учит меня слышать. Слышать, как говорят люди. Слышать, как они молчат. Слышать, как они лгут. Слышать, как они любят.

Перфекционизм: Я даю себе разрешение на «плохой черновик». Я разрешаю себе писать «плохо». Я разрешаю себе ошибаться. Я говорю себе: «Это не финальная версия. Это просто черновик. Я исправлю потом». И это освобождает. Потому что «потом» – это не сейчас. А «сейчас» – это просто написать. Просто сделать шаг. Просто продолжить. А ещё я напоминаю себе, что «идеальный» текст не существует. Существует «живой» текст. А живой текст – это текст с ошибками. С шероховатостями. С дыханием. С сердцебиением. С жизнью.

Что такое экстраверсия (и почему я не завидую)

Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что интроверты – это «лучшие» писатели. Это не так. Экстраверты тоже пишут гениальные книги. Просто они пишут их иначе. И у них есть свои сильные стороны.

Плюсы экстраверсии в писательстве:

Динамика. Экстраверты пишут динамично. Их тексты полны событий, диалогов, движения. Они не боятся «эксшена». Они не боятся «сюжета». Они не боятся «поворотов». Они пишут так, как живут. Быстро. Ярко. Энергично.

Диалоги. Экстраверты умеют писать живые диалоги. Потому что они слышат, как говорят люди. Они общаются каждый день. Они знают, как звучит речь. Они знают, как люди перебивают друг друга. Как они шутят. Как они ссорятся. Как они мирятся. И это отражается в их текстах. Их диалоги – искромётные, остроумные, полные жизни.

Ориентация на читателя. Экстраверты думают о читателе. Они хотят, чтобы их книги нравились. Они хотят, чтобы их читали. Они хотят, чтобы их обсуждали. И это делает их тексты более «дружелюбными». Более «доступными». Более «понятными».

Минусы экстраверсии в писательстве:

Поверхностность. Экстраверты иногда скользят по поверхности. Они не копают глубоко. Они не ищут подтекст.

Они не анализируют. Они просто рассказывают историю. И иногда это работает. А иногда – нет. Потому что читатель хочет не только «что», но и «почему». Не только «что случилось», но и «что это значит».

Зависимость от отклика. Экстраверты нуждаются в отклике. Они нуждаются в одобрении. Они нуждаются в признании. И если этого нет – они страдают. Они могут потерять мотивацию. Они могут перестать писать. Потому что им нужно, чтобы их «видели». А если их не видят – они чувствуют себя пустым местом.

Сложности с одиночеством. Писательство – это одинокий процесс. Ты сидишь один. Ты пишешь один. Ты редактируешь один. И для экстраверта это может быть пыткой. Ему нужно общение. Ему нужны люди. Ему нужна энергия. И если он не получает этого – он чахнет. Как растение без солнца.

Личный кейс: как я поехал на литературный фестиваль

Теперь я расскажу вам историю. Историю о том, как я получил приглашение на литературный фестиваль. И как это чуть не убило меня. Морально. Физически. Творчески.

Это было через год после выхода моей первой книги. Книга продавалась неплохо. Не бестселлер, но и не провал. Издатель был доволен. Читатели писали тёплые отзывы. И тут мне пришло письмо. Приглашение на литературный фестиваль. Один из крупнейших в стране. Три дня. Встречи с чи-

тателями. Интервью. Панельные дискуссии. Круглые столы. Всё, о чём мечтает начинающий писатель.

Я был счастлив. Я был горд. Я был уверен, что это – мой «звёздный час». Я представлял, как выхожу на сцену. Как зал аплодирует. Как читатели выстраиваются в очередь за автографами. Как журналисты берут у меня интервью. Как я становлюсь «известным писателем». Я упаковал чемодан. Я купил новый костюм. Я отрепетировал речь. Я был готов.

Первый день фестиваля начался с интервью. Меня посадили в комнату с журналисткой. Молодая, энергичная, с блокнотом и диктофоном. Она задавала вопросы. Я отвечал. Всё шло хорошо. Но к концу интервью я почувствовал, что у меня начинает болеть голова. Я списал это на усталость. Дорога. Волнение. Всё нормально.

Потом была встреча с читателями. Большой зал. Много людей. Они смотрели на меня. Они ждали, что я скажу что-то умное. Я говорил. Я шутил. Я читал отрывки. Я отвечал на вопросы. И с каждой минутой я чувствовал, как из меня уходит энергия. Как будто кто-то открыл кран, и моя жизненная сила вытекает на пол. Я улыбался. Я кивал. Я делал вид, что мне хорошо. Но внутри я кричал: «Остановите это. Мне нужно уйти. Мне нужно побыть одному».

После встречи был фуршет. «Неформальное общение». Ха. Для интроверта «неформальное общение» – это оксюморон. Это как «сухая вода». Это как «горячий лёд». Это как «весёлые похороны». Я стоял с бокалом сока в углу и пытал-

ся найти выход. Но выход не было. Потому что ко мне подходили люди. Они хотели поговорить. Они хотели познакомиться. Они хотели «пообщаться». И я не мог им отказать. Потому что я «писатель». Потому что я «должен быть открытым». Потому что я «должен быть благодарным».

Я вернулся в номер в полночь. Я рухнул на кровать. Я не мог думать. Я не мог чувствовать. Я был пуст. Как будто из меня выпили всю кровь. Я лежал и смотрел в потолок. И думал: «Завтра будет второй день. Ещё интервью. Ещё встречи. Ещё люди. Ещё разговоры. Я не выдержу».

Я не выдержал. На второй день я проснулся с головной болью. Сильной. Такой, что свет резал глаза. Меня тошнило. Меня знобило. Я позвонил организаторам. Сказал, что заболел. «Внезапная болезнь». Они посочувствовали. Сказали: «Выздоровливайте. Мы вас ждём». Я сказал: «Спасибо». И отключил телефон.

Я провёл весь второй день в номере. Я лежал. Я спал. Я смотрел в окно. Я ничего не делал. И постепенно я начал восстанавливаться. Голова перестала болеть. Тошнота прошла. Я снова начал чувствовать. Снова начал думать. Снова начал быть.

На третий день я уехал. Раньше. Не попрощавшись. Я просто собрал вещи, вызвал такси и уехал. Я чувствовал себя неудачником. Я чувствовал себя предателем. Я чувствовал себя человеком, который не оправдал ожиданий. Я думал: «Я не создан для этого. Я не умею быть писателем. Я не умею

быть публичным. Я не умею быть «на виду». Я – никто».

Я вернулся домой. Я сидел на кухне. Я пил чай. Я смотрел в стену. И я думал. Думал о том, что произошло. Думал о том, почему я так устал. Думал о том, почему я не выдержал. И тогда я понял. Это не была «внезапная болезнь». Это было истощение. Истощение интроверта. Мой мозг получил слишком много стимулов. Слишком много людей. Слишком много разговоров. Слишком много шума. И он «перегрелся». Ему нужно было «остыть». А я не дал ему этого. Я заставлял себя быть «экстравертом». И мой организм взбунтовался.

Я понял тогда: я не «неудачник». Я не «предатель». Я не «человек, который не оправдал ожиданий». Я – интроверт. И мне нужно больше времени на восстановление. И мне нужно больше одиночества. И мне нужно больше тишины. И если мир этого не понимает – это проблема мира, а не моя.

С тех пор я по-другому планирую свои публичные выступления. Я оставляю время на восстановление. Я не ставлю больше двух мероприятий в день. Я не хожу на фуршеты. Я не пытаюсь «быть как все». Я – интроверт. И это – моя суперсила. Но она требует бережного обращения.

Смешная история: как я пытался «стать экстравертом» на нетворкинг-вечеринке

Это было ещё раньше. До фестиваля. До первой книги. Я был молод. Я был глуп. Я был уверен, что «успешный

писатель» должен уметь «заводить связи». Что мне нужно «нетворкать». Что мне нужно «быть в тусовке». Что мне нужно «знакомиться с нужными людьми».

Я нашёл в интернете объявление: «Нетворкинг-вечеринка для писателей и издателей». Я заплатил деньги. Я купил новую рубашку. Я отрепетировал «питч» – короткую речь о себе и своей книге. Я был готов «покорить мир».

Я пришёл на вечеринку. Это был большой зал. Много людей. Музыка. Шум. Все разговаривали. Все улыбались. Все делали вид, что им весело. Я взял бокал сока (потому что алкоголь делает меня ещё более неуклюжим) и встал в углу. Я планировал «подойти к кому-нибудь и начать разговор». Но я не мог. Мой мозг кричал: «Беги! Спасайся! Это опасно!»

Я простоял в углу пятнадцать минут. Потом двадцать. Потом полчаса. Я делал вид, что очень увлечён изучением сыра на столе с закусками. Я брал кусочек. Нюхал его. Клал обратно. Брал другой. Нюхал. Клал обратно. Я стал экспертом по сыру. Я знал всё о камамбере. О бри. О дорблю. О чеддере. Я мог бы написать диссертацию о сыре. Но я не мог написать книгу. Потому что я был парализован страхом.

И тут ко мне подошёл другой мужчина. Он тоже стоял в углу. Он тоже делал вид, что изучает сыр. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Мы поняли друг друга без слов. Это был интроверт. Такой же, как я.

– Ненавижу такие мероприятия, – сказал он.

– Я тоже, – сказал я.

– Я пришёл, потому что думал, что это поможет. Но я не могу заставить себя подойти к людям.

– Я тоже.

– Давай просто постоим здесь и поедим сыр?

– Давай.

Мы простояли в углу ещё час. Мы ели сыр. Мы молчали. Иногда мы обменивались короткими фразами. «Этот чеддер неплохой». «Да, но камамбер лучше». «Согласен». Это был самый комфортный разговор в моей жизни. Потому что мы не пытались быть «экстравертами». Мы были собой. Интровертами. И нам было хорошо.

Мы обменялись контактами. Мы начали переписываться. Мы стали друзьями. Мы до сих пор дружим. Мы иногда встречаемся. Мы пьём чай. Мы молчим. Мы едим сыр. И это – лучшее общение в моей жизни. Потому что оно – честное. Без притворства. Без масок. Без «нетворкинга».

Интроверсия и писательство: практические выводы

Что я вынес из всего этого? Несколько вещей. Важных. Для меня. Может, и для вас.

Первое: не пытайтесь быть экстравертом. Это не работает. Вы потратите силы. Вы истощитесь. Вы возненавидите себя. И вы всё равно не станете экстравертом. Потому что это – не выбор. Это – природа. Это – ваш мозг. Это – ваша энергия. Примите это. И используйте это.

Второе: берегите свою энергию. Вы не обязаны ходить на все вечеринки. Вы не обязаны общаться со всеми. Вы не обязаны «быть на связи» двадцать четыре часа в сутки. Вы имеете право на одиночество. Вы имеете право на тишину. Вы имеете право на восстановление. Это – не лень. Это – необходимость. Это – забота о себе.

Третье: планируйте восстановление. Если вы знаете, что у вас будет «сложный день» – встреча с читателями, интервью, публичное выступление – оставьте время после. Не планируйте ничего. Просто побудьте один. Просто отдохните. Просто восстановитесь. Это – не роскошь. Это – стратегия выживания.

Четвёртое: найдите своих. Найдите других интровертов. Других писателей. Других людей, которые понимают. Вам не нужно много. Вам нужно несколько. Тех, с кем можно молчать. Тех, с кем можно есть сыр. Тех, с кем можно быть собой. Это – ваша стая. Это – ваша поддержка. Это – ваше спасение.

Пятое: используйте свою интроверсию как силу. Вы умеете копать глубоко. Вы умеете наблюдать. Вы умеете концентрироваться. Вы умеете чувствовать. Это – ваши суперсилы. Не пытайтесь от них избавиться. Не пытайтесь стать «как все». Используйте их. Пишите глубоко. Пишите честно. Пишите так, как можете только вы.

Анекдот, который всё объясняет

Интроверт смотрит на пару ботинок в прихожей и думает: «О, гости. Надеюсь, они скоро уйдут».

Экстраверт смотрит на пару ботинок в прихожей и думает: «О, гости! Надеюсь, они останутся на неделю!»

Интроверт смотрит на пару ботинок в прихожей и думает: «О, гости. Надеюсь, они скоро уйдут. Но я не могу им это сказать. Потому что это невежливо. Поэтому я буду стоять здесь и улыбаться. И ждать. И надеяться. И мечтать о том моменте, когда они уйдут. И тогда я смогу заварить чай. И сесть в кресло. И открыть книгу. И побыть один. И это будет счастье».

Экстраверт смотрит на пару ботинок в прихожей и думает: «О, гости! Надеюсь, они останутся на неделю! Мы будем говорить! Мы будем смеяться! Мы будем петь песни! Мы будем танцевать! Мы будем делать всё, что делают экстраверты! И это будет счастье!»

Интроверт и экстраверт смотрят на одну и ту же пару ботинок. И видят разное. И чувствуют разное. И хотят разного. И это – нормально. Это – различие. Это – жизнь.

Вот об этом эта глава. О том, что интроверсия – это не «плохо». Это – иначе. Это – другой способ быть. Другой способ чувствовать. Другой способ писать. И если вы интроверт – вы не одиноки. Нас много. Мы сидим в углах. Мы едим сыр. Мы молчим. Мы пишем. Мы создаём миры. Мы живём в тишине. И это – наш дом.

2. Детектор лжи, который всегда с вами

Я узнал, что я интуит, ещё позже, чем узнал, что я интроверт. Мне было уже тридцать. Я сидел на встрече с редактором, обсуждал новую книгу, и он спросил:

– А ты вообще как собираешь информацию?

– В смысле? – не понял я.

– Ну, вот ты пишешь исторический роман. Ты идёшь в архив, читаешь документы, собираешь факты?

– Ну... – я замялся. – Я читаю. Но не так чтобы очень много. Я скорее... чувствую эпоху.

– Чувствуешь эпоху?

– Да. Я читаю несколько источников, а потом закрываю глаза и представляю. Как они ходили, как они говорили, как они пахли. И потом пишу.

Редактор посмотрел на меня. Долго. Так, как смотрят на человека, который только что сказал, что умеет летать.

– А ты проверяешь факты?

– Ну... иногда. Если что-то важное. Но вообще я больше доверяю интуиции.

– Интуиции, – повторил редактор. – Ты пишешь исторический роман, основываясь на интуиции?

– Да. А что?

Он вздохнул. Глубоко. Так, как вздыхают люди, которые поняли, что им придётся объяснять очевидное.

– А ты знаешь, что в XVIII веке, например, было принято здороваться за руку не так, как сейчас? Что у них был другой этикет? Другие правила приличия? Другие представления о чести?

– Ну, примерно, – сказал я. – Я читал об этом. Но мне кажется, что главное – это не этикет. Главное – это чувства. Люди всегда чувствуют одинаково. Любят. Боятся. Ненавидят. Мечтают. Это – универсально. А этикет – это просто форма. Это – декорации.

Редактор молчал. Секунду. Две. Потом сказал:

– Ты – интуит. Типичный интуит. Ты видишь лес. Но не видишь деревьев. Ты видишь идею. Но не видишь фактов. И это – твоя сила. И твоя слабость.

Я пошёл домой. Я залез в интернет. Я начал читать про сенсориков и интуитов. И чем больше я читал, тем больше понимал. Я – интуит. Я всегда был интуитом. Я не замечаю деталей. Я не помню дат. Я не знаю, какого цвета были обои в моей первой квартире. Но я помню, что чувствовал, когда впервые вошёл в неё. Я помню запах. Я помню свет. Я помню страх. Я помню надежду. Я помню атмосферу. А факты... факты ускользают. Они как песок. Они как вода. Они как сон, который забываешь через минуту после пробуждения.

Это было странно. Всю жизнь мне говорили, что я «невни-

мательный». Что я «витаю в облаках». Что я «не от мира сего». И я верил. Я думал, что со мной что-то не так. Я думал, что я «плохой». Я думал, что я «неудачник». А оказалось – я просто интуит. Я просто вижу мир иначе. Я вижу не факты, а связи. Не детали, а паттерны. Не деревья, а лес. И это – не «плохо». Это – просто другой способ видеть.

Что такое сенсорики и интуиция на самом деле (и почему это не про «ум»)

Давайте сразу проясним. Сенсорики и интуиция – это не про «ум». Это не про «интеллект». Это про то, как мы обрабатываем информацию. Как мы воспринимаем мир. На что мы обращаем внимание. Что мы запоминаем.

Сенсорики (S) доверяют фактам. Деталям. Практическому опыту. Они видят мир через пять чувств. Они замечают, какого цвета небо. Как пахнет кофе. Как звучит голос собеседника. Они помнят, что было вчера. Они помнят, что было год назад. Они помнят, что было десять лет назад. Они живут в настоящем. И в прошлом. Но не в будущем. Потому что будущее – это абстракция. А абстракция – это не про них.

Интуиты (N) доверяют паттернам. Скрытым смыслам. Будущим возможностям. Они видят мир через шестое чувство. Они замечают не то, что есть, а то, что может быть. Они видят связи между вещами, которые, казалось бы, не связаны. Они помнят не факты, а ощущения. Не даты, а атмосферу. Не события, а смысл. Они живут в будущем. И в прошлом.

Но не в настоящем. Потому что настоящее – это слишком конкретно. А конкретика – это не про них.

Это не про «лучше» или «хуже». Это про разное. Это про то, что мы все – разные. И это – прекрасно.

Но давайте копнём глубже. Потому что сенсорика и интуиция – это не просто «люблю факты» или «люблю идеи». Это целый спектр особенностей, которые влияют на то, как мы думаем, чувствуем и творим. И одна из главных особенностей – это то, как наш мозг обрабатывает информацию.

Нейробиология сенсорики и интуиции: почему факты ускользают, а идеи остаются

Я не нейробиолог. Я писатель. Но я читал исследования. И то, что я узнал, объяснило мне многое. Оказывается, у сенсорики и интуитов по-разному работает память. Сенсорика запоминает детали. Факты. Цифры. Даты. Они могут вспомнить, что было вчера на ужине. Они могут вспомнить, какого цвета была рубашка у собеседника. Они могут вспомнить, что они сказали в разговоре. Они – как видеокамера. Они записывают всё. В высоком разрешении. В реальном времени.

Интуиты запоминают паттерны. Связи. Смыслы. Они не помнят, что было вчера на ужине. Но они помнят, что чувствовали, когда ели. Они не помнят, какого цвета была рубашка у собеседника. Но они помнят, что думали, когда смотрели на него. Они не помнят, что сказали в разговоре. Но они помнят, что поняли из этого разговора. Они – как

художник. Они рисуют не то, что видят, а то, что чувствуют. Не реальность, а впечатление от реальности.

Вот почему интуиты так часто «витают в облаках». Это не про то, что мы «невнимательные». Это про то, что наш мозг обрабатывает информацию иначе. Мы не запоминаем детали, потому что наш мозг считает их «неважными». Он ищет паттерны. Он ищет смыслы. Он ищет связи. И он находит их. Но цена этого – потеря деталей. Потеря фактов. Потеря конкретики.

Вот почему сенсорики так часто «застревают в деталях». Это не про то, что они «не видят целого». Это про то, что их мозг обрабатывает информацию иначе. Они запоминают детали, потому что их мозг считает их «важными». Он ищет факты. Он ищет конкретику. Он ищет доказательства. И он находит их. Но цена этого – потеря общего. Потеря паттернов. Потеря смыслов.

Как сенсорика и интуиция влияют на писательство

Теперь давайте поговорим о том, как сенсорика и интуиция влияют на наше творчество. И тут есть как плюсы, так и минусы.

Плюсы интуиции в писательстве:

Глубина. Интуиты видят не то, что есть, а то, что может быть. Мы видим подтекст. Мы видим символы. Мы видим метафоры. И это делает наши тексты глубокими. Многослой-

ными. Многозначными. Мы не пишем «он умер». Мы пишем «он ушёл в туман». Мы не пишем «она была грустная». Мы пишем «её глаза были как два колодца, в которых утонуло солнце». Мы не пишем «мир рушился». Мы пишем «небо треснуло, и из трещин потекла тьма».

Оригинальность. Интуиты видят связи между вещами, которые, казалось бы, не связаны. Мы можем соединить несоединимое. Мы можем найти неожиданный угол зрения. Мы можем перевернуть историю с ног на голову. И это делает наши тексты оригинальными. Неожиданными. Свежими. Мы не пишем «детектив». Мы пишем «детектив, где убийца – это время». Мы не пишем «любовный роман». Мы пишем «любовный роман, где двое влюблённых – это две стороны одной монеты».

Атмосфера. Интуиты чувствуют атмосферу. Мы можем создать настроение. Мы можем заставить читателя почувствовать то, что чувствуем мы. Мы не описываем место – мы создаём его. Мы не описываем эмоцию – мы вызываем её. Мы не рассказываем историю – мы погружаем в неё. И это – магия. Настоящая магия. Магия слов. Магия образов. Магия смыслов.

Минусы интуиции в писательстве:

Неточность. Интуиты часто ошибаются в фактах. Мы путаем даты. Мы путаем имена. Мы путаем детали. Мы можем написать, что герой родился в 1850 году, а потом, через сто

страниц, сказать, что ему пятьдесят, хотя по расчётам должно быть семьдесят. Мы можем написать, что герой живёт в Москве, а потом, через двести страниц, сказать, что он едет в Москву. Мы можем написать, что у героя голубые глаза, а потом, через триста страниц, сказать, что у него карие. И это – проблема. Потому что читатель замечает. Читатель помнит. Читатель не прощает.

Абстрактность. Интуиты часто пишут слишком абстрактно. Мы пишем «он чувствовал пустоту». Но что это значит? Как это выглядит? Как это ощущается? Мы пишем «мир был серым». Но какой оттенок серого? Тёплый или холодный? Светлый или тёмный? Мы пишем «время остановилось». Но как это – остановилось? Что происходит с людьми? Что происходит с вещами? Что происходит с миром? Мы забываем, что читателю нужны детали. Что читателю нужны факты. Что читателю нужно видеть. А не только чувствовать.

Сложности с диалогами. Интуитам часто сложно писать живые диалоги. Потому что мы не слышим, как говорят люди. Мы слышим, как говорят идеи. Мы слышим, как говорят смыслы. Мы слышим, как говорят паттерны. И наши диалоги могут быть слишком «умными», слишком «философскими», слишком «абстрактными». Потому что мы не пишем, как люди говорят. Мы пишем, как люди думают. А это – не одно и то же.

Личный кейс: как я пытался написать «производ-

ственный роман»

Теперь я расскажу вам историю. Историю о том, как я пытался написать «производственный роман». И как это чуть не убило меня. Творчески. Эмоционально. Морально.

Это было несколько лет назад. Я только что закончил книгу, которая продавалась неплохо. Издатель был доволен. Читатели писали тёплые отзывы. И тут мой редактор сказал:

– Слушай, а давай ты напишешь производственный роман?

– Что? – не понял я.

– Производственный роман. Про завод. Про рабочих. Про то, как они работают, как они живут, как они борются. Это сейчас в тренде. Это «продаётся».

Я задумался. Я никогда не был на заводе. Я не знал, как выглядит завод. Я не знал, как пахнет завод. Я не знал, как звучит завод. Я знал только то, что видел в кино. А в кино завод – это всегда что-то грязное, тёмное, шумное. Что-то, где работают «простые люди». Что-то, где происходит «настоящая жизнь».

– Хорошо, – сказал я. – Я попробую.

Я подошёл к делу со всей серьёзностью. Я провёл месяц в библиотеках. Я читал книги по истории промышленности. Я читал книги по социологии труда. Я читал книги по экономике производства. Я собрал кучу фактов. Даты. Цифры. Статистику. Названия заводов. Названия профессий. Названия инструментов. Я знал всё. Я был экспертом. Я был готов

писать.

Я сел за стол. Я открыл документ. Я начал писать. И... ничего. Пустота. Я не чувствовал завод. Я не чувствовал рабочих. Я не чувствовал жизнь. Я писал факты. Я писал цифры. Я писал статистику. Но это был не роман. Это был отчёт. Это была диссертация. Это была скука смертная.

Я написал пятьдесят страниц. Потом сто. Потом сто пятьдесят. И с каждой страницей я чувствовал, как умираю. Не физически, конечно, а творчески. Я ненавидел свой текст. Я ненавидел своих персонажей. Я ненавидел свой сюжет. Я писал через силу, через «не хочу», через «зачем я вообще этим занимаюсь». И в итоге я бросил. Просто закрыл файл и никогда его не открывал.

Я подумал тогда, что я – бездарность. Что я не умею писать «производственные романы». Что мне нужно писать что-то другое. Что-то, что я чувствую. Что-то, что я понимаю. Что-то, что я вижу. Но я не видел завод. Я видел только факты. А факты – это не жизнь. Факты – это скелет. А жизнь – это плоть. И я не мог создать плоть из скелета. Потому что я не знал, как это делается.

Но однажды, спустя год, я случайно наткнулся на тот старый файл. Я открыл его из любопытства. И прочитал. И понял одну вещь: это не плохой текст. Это просто не мой текст. Я писал его как сенсорик. Я пытался быть тем, кем не являюсь. Я насиловал себя – и результат был соответствующий.

Тогда я попробовал другое. Я сел и написал рассказ о за-

воде. Но не о том, как там работают. А о том, что завод значит. О том, что завод – это не просто здание. Это – символ. Символ индустриализации. Символ прогресса. Символ разрушения. Символ надежды. Символ отчаяния. Я написал «магический реализм» о заводе. О заводе, который живёт. О заводе, который дышит. О заводе, который чувствует. О заводе, который помнит. И это сработало. Это было живо. Это было интересно. Это было – моё.

С тех пор я пишу только так. Я пишу о том, что чувствую. Я пишу о том, что вижу. Я пишу о том, что понимаю. И – удивительное дело – это находит отклик. Потому что есть миллионы людей, которые чувствуют то же самое. Которые видят то же самое. Которые понимают то же самое. И которые ищут слова для того, что не могут выразить.

Смешная история: как я объяснял другу-механику, что такое метафора

Это было несколько лет назад. Я приехал в гараж к своему другу. Его зовут Сергей. Он – механик. Настоящий. С руками, которые пахнут машинным маслом. С глазами, которые видят каждую трещину. С умом, который понимает каждую деталь. Он – сенсорик. Типичный сенсорик. Он видит деревья. А я вижу лес. И иногда мы не понимаем друг друга.

Я приехал к нему, потому что у меня сломалась машина. Он открыл капот. Он посмотрел на двигатель. Он сказал: – Тут всё плохо. Двигатель умирает.

– Умирает? – переспросил я. – В каком смысле?

– В прямом. Он изношен. Он не тянет. Он скоро сдохнет.

– Сдохнет? – я задумался. – А что, если это не смерть, а... трансформация? Что, если двигатель не умирает, а... перерождается? Что, если это не конец, а... начало?

Сергей посмотрел на меня. Долго. Так, как смотрят на человека, который только что сказал, что двигатель – это бабочка.

– Ты чего? – спросил он.

– Я о метафоре, – сказал я. – Двигатель – это не просто двигатель. Это – символ. Символ жизни. Символ смерти. Символ борьбы. Символ надежды. Он умирает, но в этой смерти есть что-то... поэтическое. Что-то... трагическое. Что-то... вечное.

– Слушай, – сказал Сергей. – Ты, может, и поэт. Но я – механик. И я тебе говорю: двигатель сдох. Его надо менять. Или ты будешь ходить пешком. Или ездить на автобусе. Или, – он задумался, – писать стихи про автобус.

– А что, если двигатель – это не двигатель, а... крик души? – не унимался я. – Что, если он сломался не потому, что изношен, а потому, что... устал? Потому что... потерял смысл? Потому что... не видит будущего?

Сергей закрыл капот. Вытер руки о тряпку. Посмотрел на меня. И сказал:

– Слушай, писатель. Я тебя люблю. Ты – мой друг. Но иногда я думаю, что ты – сумасшедший. Или я – сумасшедший.

Или мы оба. Но я точно знаю одно: если ты не поменяешь двигатель, ты никуда не поедешь. Ни в реальности. Ни в метафоре. Ни в крике души. Никуда.

Я засмеялся. Он засмеялся. Мы пошли пить чай. И я подумал: вот она, разница. Он видит двигатель. Я вижу символ. Он видит факт. Я вижу метафору. Он видит дерево. Я вижу лес. И мы оба правы. Просто по-разному.

Что такое сенсорика (и почему я не завидую)

Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что интуиты – это «лучшие» писатели. Это не так. Сенсорики тоже пишут гениальные книги. Просто они пишут их иначе. И у них есть свои сильные стороны.

Плюсы сенсорики в писательстве:

Точность. Сенсорики пишут точно. Они проверяют факты. Они следят за деталями. Они не путают даты. Они не путают имена. Они не путают цвета глаз. Они – как часовщики. Они собирают текст из маленьких деталей. И этот текст работает. Как часы. Как механизм. Как машина.

Достоверность. Сенсорики пишут достоверно. Они знают, как пахнет кофе. Как звучит дождь. Как выглядит рассвет. Они знают, как люди говорят. Как они двигаются. Как они живут. И это делает их тексты правдивыми. Живыми. Настоящими.

Конкретность. Сенсорики пишут конкретно. Они не пи-

шут «он чувствовал пустоту». Они пишут «он сидел на кухне, смотрел на пустой стакан и не мог вспомнить, когда последний раз ел». Они не пишут «мир был серым». Они пишут «небо было цвета старого асфальта, и дождь стучал по крыше, как будто хотел пробить её насквозь». Они не пишут «время остановилось». Они пишут «часы на стене показывали 3:47, и стрелки не двигались, хотя батарейка была новая». Они – как фотографы. Они ловят момент. Они фиксируют реальность. Они показывают мир.

Минусы сенсорики в писательстве:

Поверхностность. Сенсорики иногда застревают на поверхности. Они видят детали, но не видят целого. Они видят деревья, но не видят леса. Они пишут «он был злой». Но не пишут, почему он был злой. Они пишут «она плакала». Но не пишут, что она чувствовала. Они пишут «мир рушился». Но не пишут, что это значит. Они описывают. Но не объясняют. Они показывают. Но не интерпретируют. И иногда это работает. А иногда – нет. Потому что читатель хочет не только «что», но и «почему». Не только «как», но и «зачем».

Отсутствие оригинальности. Сенсорики часто пишут «как все». Они следуют правилам. Они следуют традициям. Они следуют шаблонам. Они не экспериментируют. Они не рискуют. Они не ищут новые формы. Они пишут «нормально». «Хорошо». «Прилично». Но не «гениально». Потому что гениальность – это про выход за рамки. А сенсорики –

это про рамки. Это про структуру. Это про порядок.

Сложности с абстракцией. Сенсорикам часто сложно писать абстрактно. Они не понимают, что такое «символ». Что такое «метафора». Что такое «подтекст». Они видят только то, что есть. А то, что может быть, для них – туман. Загадка. Тайна. И они не любят тайны. Они любят факты. Они любят конкретику. Они любят определённую.

Сенсорики и интуиты: два способа видеть мир

Давайте представим. Сенсорик и интуит идут по улице. Они видят одно и то же. Но воспринимают по-разному.

Сенсорик видит:

Дом. Красный. Трёхэтажный. С зелёной крышей. На крыше – антенна. Во дворе – собака. Собака лает. Мальчик играет в мяч. Мяч красный. Мальчик в синей футболке. На футболке – надпись «Спартак». Мимо идёт женщина. В руке – сумка. В сумке – хлеб. Хлеб свежий. Пахнет. Женщина торопится. Она опаздывает. Куда? На работу. На какую? Неважно. Главное – факты. Главное – детали. Главное – то, что можно увидеть, услышать, потрогать.

Интуит видит:

Дом. Но не просто дом. А – символ. Символ дома. Символ семьи. Символ уюта. Символ одиночества. Собака. Но не просто собака. А – символ верности. Символ преданности.

Символ того, что мы ищем в людях и не находим. Мальчик. Но не просто мальчик. А – символ детства. Символ невинности. Символ надежды. Женщина. Но не просто женщина. А – символ времени. Символ суеты. Символ жизни, которая проходит мимо. Интуит видит не дом, а идею дома. Не собаку, а идею собаки. Не мальчика, а идею мальчика. Не женщину, а идею женщины. Он видит лес. А не деревья.

И оба правы. Просто по-разному.

Как сенсорики и интуиты пишут детективы

Теперь давайте поговорим о жанрах. О том, как сенсорика и интуиция влияют на выбор жанра и на то, как мы пишем в этом жанре.

Возьмём детектив. Казалось бы, жанр как жанр. Есть преступление. Есть сыщик. Есть подозреваемые. Есть разгадка. Но сенсорик и интуит напишут разные детективы.

Детектив от сенсорики:

Это – классический детектив. С уликами. С фактами. С алиби. С допросами. Сенсорик-писатель будет скрупулёзно собирать улики. Он опишет каждую зацепку. Он покажет, как сыщик изучает место преступления. Как он находит отпечатки пальцев. Как он анализирует кровь. Как он проверяет алиби. Как он допрашивает свидетелей. Читатель будет чувствовать себя детективом. Он будет собирать улики вместе с героем. Он будет анализировать. Он будет думать. Он

будет разгадывать. И в конце он получит ответ. Логичный. Обоснованный. Доказанный.

Детектив от интуита:

Это – психологический детектив. С атмосферой. С символами. С подтекстом. С мотивами. Интуит-писатель будет исследовать психологию преступника. Он покажет, почему преступник совершил преступление. Он покажет, что толкнуло его на это. Он покажет, как он это переживает. Он покажет, что это значит. Читатель будет чувствовать себя психологом. Он будет анализировать мотивы. Он будет искать смыслы. Он будет интерпретировать. Он будет разгадывать. Но не улики. А – душу. И в конце он получит ответ. Но не логичный. А – философский. Не доказанный. А – прочувствованный.

Я – интуит. Я не могу написать классический детектив. Я пробовал. У меня не получилось. Потому что я не вижу улики. Я вижу смыслы. Я не вижу фактов. Я вижу символы. Я не вижу преступлений. Я вижу трагедии. И поэтому мой детектив – это не про «кто убил». Это про «почему убили». И «что это значит». И «как это изменило всех».

Мой друг – сенсорик. Он пишет классические детективы. Они у него получаются блестяще. Он видит улики. Он видит факты. Он видит логику. Он видит структуру. Он – как хирург. Он точно знает, где резать. И читатель ему верит. Потому что он – эксперт. Потому что он – профессионал. По-

тому что он – сенсорик.

Как интуиты и сенсорики пишут любовные романы
Возьмём другой жанр. Любовный роман.

Любовный роман от сенсорики:

Это – история о двух людях. Которые встретились. Которые полюбили друг друга. Которые преодолели препятствия. Которые поженились. Которые жили долго и счастливо. Сенсорик опишет, как они встретились. Где. Когда. Что они сказали. Что они сделали. Как они целовались. Как они занимались любовью. Как они ссорились. Как они мирились. Как они жили. Это – конкретная история. С конкретными деталями. С конкретными событиями. С конкретными людьми. Читатель будет чувствовать себя свидетелем. Он будет видеть их. Он будет слышать их. Он будет чувствовать их. Он будет знать их.

Любовный роман от интуита:

Это – история о любви. Не о двух людях. А о любви. О том, что это такое. О том, как она возникает. О том, как она умирает. О том, как она трансформируется. Интуит опишет не то, что они делали. А то, что они чувствовали. Не то, что они говорили. А то, что они думали. Не то, что было. А то, что казалось. Это – абстрактная история. С символами. С метафорами. С образами. С атмосферой. Читатель будет чув-

ствовать себя поэтом. Он будет чувствовать любовь. Но не видеть её. Он будет знать, что это любовь. Но не понимать, как она выглядит. Потому что любовь – это не про «как». Любовь – это про «что». И «почему». И «зачем».

Я – интуит. Я не могу написать конкретный любовный роман. Я пробовал. У меня не получилось. Потому что я не вижу людей. Я вижу чувства. Я не вижу событий. Я вижу смыслы. Я не вижу «он и она». Я вижу «любовь». И поэтому мой любовный роман – это не про «они встретились». Это про «любовь случилась». И «что это значит». И «как это изменило мир».

Личный кейс: как я чуть не сошёл с ума, пытаюсь проверить факты

Теперь я расскажу вам ещё одну историю. Историю о том, как я чуть не сошёл с ума, пытаюсь проверить факты. Потому что я – интуит. А интуиты не проверяют факты. Интуиты чувствуют факты. И иногда это приводит к катастрофе.

Это было, когда я писал исторический роман. Я – интуит. Я не люблю архивы. Я не люблю документы. Я не люблю даты. Я люблю атмосферу. Я люблю настроение. Я люблю чувство эпохи. И я думал, что этого достаточно.

Я написал роман. Триста страниц. Я был доволен. Я был счастлив. Я был уверен, что это шедевр. Я отправил его редактору. И через неделю получил ответ.

– Ты уверен, что это XVIII век? – спросил редактор.

– Конечно, – ответил я. – Я же писал о XVIII веке.

– А почему у тебя герои пьют чай из самовара? Самовары появились в России только в XIX веке.

– Правда? – я задумался. – Ну, может, это был прототип самовара?

– А почему у тебя герои едят картошку? Картошка распространилась в России только в XIX веке. В XVIII веке её почти никто не ел.

– Правда? Ну, может, это была экзотика?

– А почему у тебя герои говорят «ты»? В XVIII веке дворяне говорили друг другу «вы», даже близкие друзья. «Ты» – это было почти оскорбление.

– Правда? Ну, может, они были близкими друзьями?

– А почему у тебя герои ездят в каретах с рессорами? Рессоры появились только в XIX веке. В XVIII веке кареты были жёсткими, и ездить в них было пыткой.

– Правда? Ну, может, это была роскошная карета?

– А почему у тебя герои курят папиросы? Папиросы появились только в XIX веке. В XVIII веке курили трубки. Или нюхали табак.

– Правда? Ну, может, это был... эксперимент?

Редактор вздохнул. Глубоко. Так, как вздыхают люди, которые поняли, что им придётся объяснять очевидное.

– Слушай, – сказал он. – Ты – интуит. Я это знаю. Ты видишь эпоху. Ты чувствуешь её. Но ты не знаешь её. Ты не знаешь фактов. Ты не знаешь деталей. Ты не знаешь, как

люди жили. Что они ели. Что они пили. Как они говорили. Как они одевались. Как они думали. И если ты не узнаешь это – твой роман будет фальшивым. Читатель почувствует фальшь. И закроет книгу.

Я был раздавлен. Я был унижен. Я был зол. На себя. На редактора. На XVIII век. На весь мир. Я думал: «Зачем это всё? Зачем эти факты? Зачем эти детали? Какая разница, что они ели? Какая разница, как они говорили? Главное – это чувства. Главное – это любовь. Главное – это смысл».

Но потом я понял. Редактор прав. Факты важны. Детали важны. Потому что без фактов нет достоверности. Без деталей нет жизни. Без жизни нет смысла. Ты не можешь написать о любви, если не знаешь, как люди любили. Ты не можешь написать о смерти, если не знаешь, как люди умирали. Ты не можешь написать о жизни, если не знаешь, как люди жили.

Я сел за архив. Я провёл там месяц. Я читал документы. Я читал письма. Я читал дневники. Я читал мемуары. Я узнал, что люди в XVIII веке ели. Что они пили. Как они говорили. Как они одевались. Как они думали. Как они жили. Как они умирали. Я узнал всё. И я переписал роман. С нуля. С фактами. С деталями. С жизнью.

И роман ожил. Потому что теперь я не просто чувствовал эпоху. Я знал её. И это знание – это понимание – это ощущение – передалось читателю. Читатель поверил. Читатель почувствовал. Читатель увидел XVIII век. Не потому, что я

описал его. А потому, что я знал его. А знание – это сила. Знание – это правда. Знание – это жизнь.

Как интуиту работать с фактами (и не сойти с ума)

Я – интуит. Я не люблю факты. Но я научился с ними работать. И я хочу поделиться с вами тем, что я узнал. Может, это поможет и вам.

Первое: примите, что факты важны. Да, вы – интуит. Да, вы видите лес. Да, вы чувствуете смысл. Но без деревьев нет леса. Без деталей нет смысла. Без фактов нет правды. Примите это. И работайте с этим.

Второе: найдите «своего» сенсорику. Вам нужен человек, который видит деревья. Который знает факты. Который проверяет детали. Который может сказать: «Стоп. Это неправда. Самовары появились позже». Этот человек – ваш редактор. Ваш консультант. Ваш друг. Ваш спаситель. Найдите его. И держитесь за него.

Третье: используйте свою интуицию как компас. Вы не знаете фактов. Но вы знаете направление. Вы чувствуете, что важно. Вы чувствуете, что нужно. Вы чувствуете, где искать. Используйте это. Ваша интуиция – это ваш компас. Она ведёт вас. Она подсказывает. Она направляет. Слушайте её. Но проверяйте. Всегда проверяйте.

Четвёртое: не бойтесь спрашивать. Вы не знаете, как выглядит самовар? Спросите. Вы не знаете, как ели картошку в XVIII веке? Спросите. Вы не знаете, как говорили дворяне?

Спросите. Люди любят делиться знаниями. Особенно эксперты. Особенно если вы спрашиваете искренне. Не бойтесь выглядеть глупым. Бойтесь выглядеть фальшивым.

Пятое: доверяйте себе. Вы – интуит. Вы видите то, что не видят другие. Вы чувствуете то, что не чувствуют другие. Вы знаете то, что не знают другие. И это – ваша сила. Не пытайтесь быть сенсориком. Не пытайтесь видеть только деревья. Видьте лес. Но не забывайте о деревьях. И тогда ваш текст будет живым. И глубоким. И настоящим.

Анекдот, который всё объясняет

Сенсорик, интуит и гном идут по дороге. Видят – впереди что-то блестит.

Сенсорик говорит: «Это монета. Я вижу цифру 10. Она лежит на земле. Она серебристого цвета. Она немного поцарапана. Я могу определить её возраст. Я могу определить её стоимость. Я могу определить, кто её потерял. Я – сенсорик. Я вижу факты».

Интуит говорит: «Это может быть что угодно. От клада до портала в другой мир. Это может быть символ. Это может быть знак. Это может быть судьба. Это может быть начало приключения. Это может быть конец истории. Я – интуит. Я вижу возможности».

Гном говорит: «Это кольцо. И оно моё. Вы что, «Властелина колец» не читали?»

Сенсорик и интуит смотрят на гнома. Гном смотрит на

них. И все трое понимают: они видят одно и то же. Но по-разному. И все трое правы. Просто по-разному.

Вот об этом эта глава. О том, что сенсорика и интуиция – это не «правильно» и «неправильно». Это – разные способы видеть мир. Разные способы думать. Разные способы писать. И если вы интуит – вы не одиноки. Нас много. Мы видим лес. Мы чувствуем смысл. Мы ищем паттерны. Мы создаём миры. Мы пишем не о том, что есть. А о том, что может быть. И это – наша суперсила. И наша слабость. И наша жизнь.

3. Сердце против логики. Как не убить своего героя из жалости

Я узнал, что я этик, когда мой редактор вернул мне рукопись с пометкой на полях. Пометка была короткая, но убийственная: «Ты не можешь убить ни одного персонажа. Вообще ни одного. За 400 страниц ни одной смерти. Это не роман, это детский утренник».

Я посмотрел на рукопись. Потом на редактора. Потом снова на рукопись. Потом снова на редактора. И понял, что он прав. За 400 страниц мои герои пережили войны, эпидемии, катастрофы, предательства, но никто из них не умер. Никто. Ни один. Даже эпизодический персонаж, который появился на одной странице и исчез на следующей, – даже он выжил. Я просто не мог его убить. У меня рука не поднималась.

Я попытался оправдаться. Я сказал редактору: «Это художественный приём. Я показываю, что жизнь продолжается. Что надежда есть. Что даже в самые тёмные времена люди выживают». Редактор посмотрел на меня долгим взглядом. Таким взглядом, каким смотрят на человека, который пытается продать вам вечный двигатель. И сказал: «Ты не показываешь надежду. Ты боишься. Ты боишься причинять боль. Ты боишься, что читатель расстроится. Ты боишься, что ты

сам расстроишься. Ты – этик. И это тебя убивает как писателя».

Я пошёл домой. Я сел на кухню. Я заварил чай. Я начал думать. Думать о том, почему я не могу убить своих героев. Думать о том, почему мне так больно причинять им боль. Думать о том, почему я всегда ищу «хэппи-энд». Даже когда его нет. Даже когда его не должно быть. Даже когда он фальшивый.

И я понял. Я – этик. Я всегда был этиком. Я принимаю решения сердцем, а не головой. Я руководствуюсь ценностями, а не логикой. Я ищу гармонию, а не эффективность. Я забочусь о чувствах, а не о принципах. И это отражается во всём, что я пишу. В каждом слове. В каждой сцене. В каждом персонаже. Я не могу быть холодным. Я не могу быть отстранённым. Я не могу быть жестоким. Даже когда это нужно. Даже когда это необходимо. Даже когда это единственный правильный выход.

Что такое логика и этика на самом деле (и почему это не про «ум» и «доброту»)

Давайте сразу проясним. Логика и этика – это не про «ум» и не про «доброту». Это не про то, что логики – «умные», а этики – «добрые». Это не про то, что логики – «холодные», а этики – «тёплые». Это про то, как мы принимаем решения. На что мы опираемся, когда выбираем. Что для нас важнее – истина или гармония. Справедливость или сострада-

ние. Принципы или чувства.

Логики (Т) принимают решения на основе объективного анализа. Они смотрят на факты. Они взвешивают аргументы. Они ищут истину. Они не позволяют эмоциям влиять на их суждения. Они могут быть добрыми – но их доброта основана на принципах. Они могут быть жестокими – но их жестокость основана на логике. Они – как судьи. Они выносят вердикт. Беспристрастно. Объективно. Справедливо.

Этики (F) принимают решения на основе ценностей и эмоций. Они смотрят на людей. Они чувствуют ситуацию. Они ищут гармонию. Они позволяют чувствам влиять на их суждения. Они могут быть жестокими – но их жестокость основана на боли. Они могут быть добрыми – но их доброта основана на любви. Они – как матери. Они защищают. Заботятся. Прощают. Понимают.

Это не про «лучше» или «хуже». Это про разное. Это про то, что мы все – разные. И это – прекрасно. Но это также – источник конфликтов. Особенно в писательстве. Особенно когда речь идёт о том, чтобы причинять боль своим персонажам.

Нейробиология логики и этики: почему одни плачут, а другие анализируют

Я не нейробиолог. Я писатель. Но я читал исследования. И то, что я узнал, объяснило мне многое. Оказывается, у логиков и этиков по-разному работает мозг. Когда логик при-

нимает решение, у него активируются области, связанные с анализом и планированием. Он «думает». Он «взвешивает». Он «рассчитывает». Когда этик принимает решение, у него активируются области, связанные с эмоциями и эмпатией. Он «чувствует». Он «переживает». Он «сопереживает».

Это не значит, что логики не чувствуют. Они чувствуют. Но они не позволяют чувствам управлять собой. Они «отключают» эмоции, когда нужно принять решение. Они «включают» логику. Это не значит, что этики не думают. Они думают. Но они не позволяют логике управлять собой. Они «отключают» логику, когда нужно почувствовать. Они «включают» сердце.

Вот почему логики могут спокойно убить своего персонажа. Они смотрят на сюжет. Они смотрят на структуру. Они смотрят на цель. Они видят, что смерть персонажа нужна для развития истории. И они «отключают» эмоции. И они «включают» логику. И они убивают. Без слёз. Без сожалений. Без колебаний.

Вот почему этики не могут убить своего персонажа. Они смотрят на персонажа. Они смотрят на его чувства. Они смотрят на его жизнь. Они видят, что смерть персонажа причинит боль. И они «отключают» логику. И они «включают» сердце. И они спасают. Со слезами. С сожалениями. С колебаниями.

Как логика и этика влияют на писательство

Теперь давайте поговорим о том, как логика и этика влияют на наше творчество. И тут есть как плюсы, так и минусы.

Плюсы этики в писательстве:

Глубина персонажей. Этики создают глубоких персонажей. Мы не просто описываем их – мы чувствуем их. Мы знаем их страхи. Мы знаем их мечты. Мы знаем их боль. Мы знаем их радость. Мы знаем их душу. И это делает наших персонажей живыми. Настоящими. Близкими. Читатель не просто наблюдает за ними. Читатель переживает за них. Читатель любит их. Читатель плачет вместе с ними.

Эмоциональная сила. Этики создают эмоционально сильные тексты. Мы не просто рассказываем историю – мы заставляем читателя чувствовать. Мы вызываем слёзы. Мы вызываем смех. Мы вызываем гнев. Мы вызываем любовь. Мы – как музыканты. Мы играем на струнах души. И читатель откликается. Потому что мы сами откликаемся. Потому что мы сами чувствуем. Потому что мы сами живём.

Эмпатия. Этики понимают людей. Мы чувствуем их мотивы. Мы понимаем их поступки. Мы не осуждаем. Мы не судим. Мы просто понимаем. И это делает наши тексты толерантными. Мудрыми. Человечными. Мы не делим мир на «хороших» и «плохих». Мы видим оттенки. Мы видим полутона. Мы видим сложность. Мы видим жизнь.

Минусы этики в писательстве:

Слабый сюжет. Этики часто жертвуют сюжетом ради персонажей. Мы так любим своих героев, что не можем причинить им боль. Мы так боимся их расстроить, что не можем создать конфликт. Мы так хотим, чтобы они были счастливы, что не можем создать напряжение. И сюжет провисает. И история становится скучной. И читатель закрывает книгу. Потому что без конфликта нет драмы. Без драмы нет истории. Без истории нет книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.